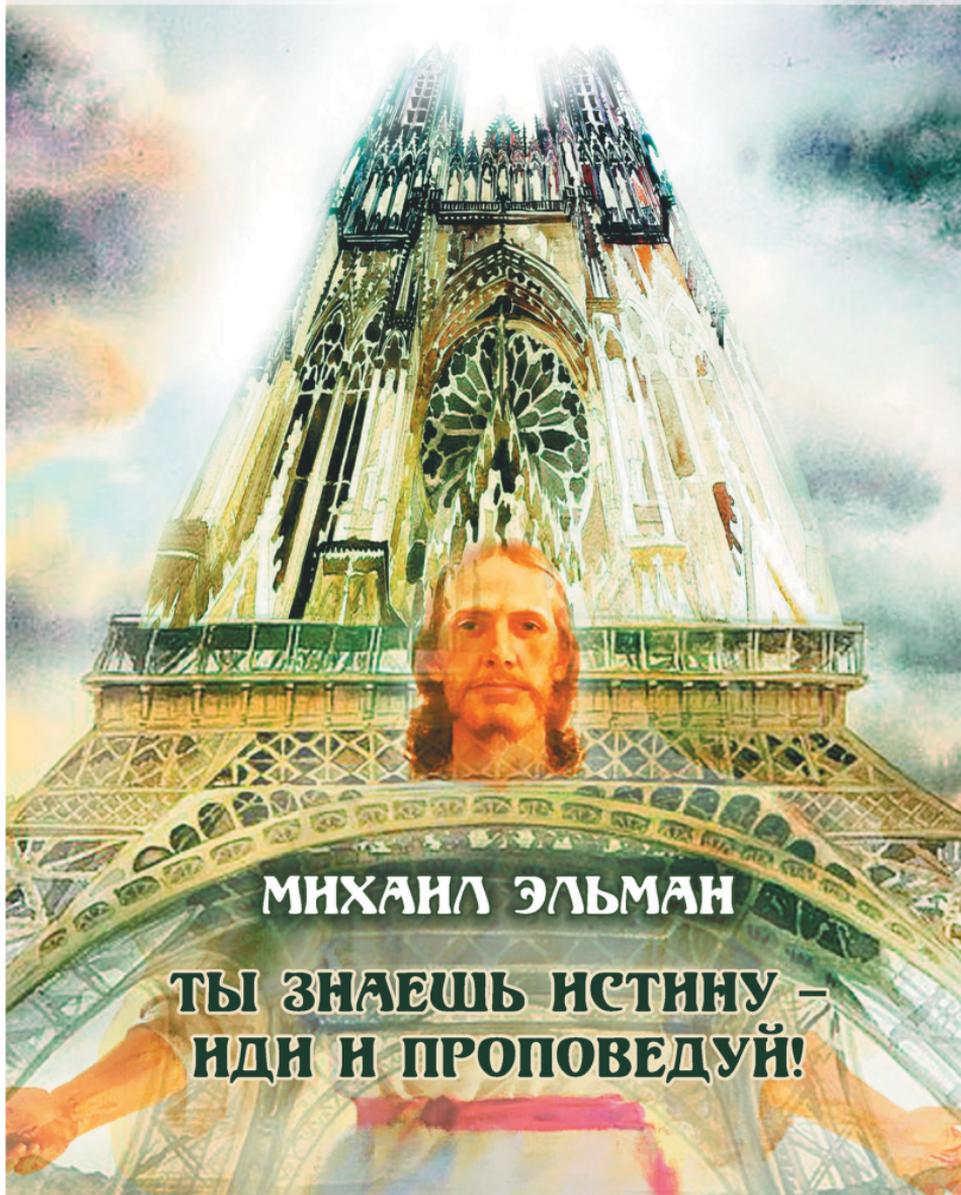

☪ Лондонская премия представляет писателя ☪

МИХАИЛ ЭЛЬМАН

**ТЫ ЗНАЕШЬ ИСТИНУ –
ИДИ И ПРОПОВЕДУЙ!**

Михаил Эльман
**Ты знаешь истину –
иди и проповедуй!**
Серия «Лондонская премия
представляет писателя»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51406667
Ты знаешь истину – иди и проповедуй! / М. Эльман:
Интернациональный Союз писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907306-02-8*

Аннотация

Христианскую цивилизацию Запада постигла духовная катастрофа. Массовая культура вытеснила традиционную культуру из общественной жизни и политики. Происходит непрерывная деградация политических элит, пытающихся подстроиться под вкусы толпы, которую они сами и развращают. Историческое национальное самосознание народов предано забвению, и они сползают в чёрную дыру глобализма и постмодернизма. Кажется, ничто не может остановить это падение. Но в мире есть силы, способные породить ростки новой веры и новой надежды...

Содержание

От автора	4
Пролог	8
Часть первая	10
1	10
2	17
3	22
4	30
5	40
6	49
7	52
8	56
9	59
10	61
11	66
Часть вторая	71
1	71
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Михаил Эльман

Ты знаешь истину – иди и проповедуй!

От автора

Я родился в Белоруссии в 1953 году в небольшом и мало чем известном городе Могилёве. Там же окончил школу и политехнический институт. После окончания института работал на Севере, потом вернулся в родной город, с которым меня связывает нечто большее, чем воспоминания детства и

юности. Сферой моих интересов была философия, математика и литература, читал много, увлекался научной фантастикой, Хемингуэем и Достоевским.

В конце семидесятых начал писать стихи. Участвовал в работе областного литературного объединения. Не могу сказать, что у меня открылось какое-то особенное поэтическое видение, но поэзия научила меня ценить и понимать слово. К собственному творчеству был взыскателен и никаких сколько-либо серьёзных попыток опубликовать свои стихи не предпринимал. У меня были удачи, некоторые из них были замечены. Но тем не менее я понял, что поэта из меня не получится. Поэзия приходит как любовь, легко и неожиданно, но расстаются с ней мучительно. Вот одно из последних моих стихотворений:

*Ничего не хочу менять,
и пускай мне печали пророчат
круговороты дня,
круговороты ночи.*

*Много сил я растратил зря,
и судьба получилась не очень
в круговоротах дня,
в круговоротах ночи.*

*Я спешу, ночь торопит меня.
Каждый новый мой круг всё короче*

*в круговороте дня,
в круговороте ночи.*

В начале девяностых, испытывая глубокое разочарование и внутренний конфликт (мы все несём в себе зародыши болезней нашего века), я эмигрировал из Союза в надежде найти не гарантированное благополучие, а здоровую и правильную жизнь. Естественно, ничего подобного я не нашёл. Запад с его голым прагматизмом заставил меня искать хоть какие-либо крохи здорового идеализма и активного гуманизма, без которых, по моему мнению, общество нормально существовать не может. Я много читал, в основном экзистенциалистов и религиозных мыслителей: Сёрена Кьеркегора, Рене Генона, Льва Шестова, Мартина Бубера. Постепенно я сформировал для себя новое мировоззрение (назвать своё робкое духовное притязание верой я не решаюсь). До этого романа, если не считать нескольких коротких рассказов, прозы я не писал. Моим самым длинным прозаическим произведением было семнадцатистраничное объяснение в любви, которое я написал в ранней юности. (Ну должен же я был как-то объяснить самому себе, что же это такое необыкновенное я в ней увидел.) И когда я закончил писать своё признание, я это понял. Примерно так же родился и этот роман. Попутно появился замысел ещё трёх, над которыми я сейчас работаю. Работа продвигается медленно, поскольку на жизнь я зарабатываю вовсе не литературным трудом. Но об этом я

расскажу в своём последнем, ещё не законченном романе о себе любимом.

Пролог

*И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там.
(Быт. 11:31)*

И были ведомы Фарре учения племён древних, о которых нам неизвестно, и были у них мудрецы, о которых мы не слышали, и было у них знание, которое до нас не дошло, ибо начальный язык люди забыли, а в смешанных языках не осталось даже корней от начального, как не осталось даже камня от фундамента башни Вавилонской. Фарра же проповедовал в земле халдейской, но понять его халдеи не могли и слушать его не хотели, ибо была их земля плодородна, каналами орошаема, мастера их были умелы, дома просторны, стада тучны, а слуги многочисленны, и были они сильнее врагов своих. Жрецы их были алчны, а цари жестокосердечны, и как ни старался Фарра поведать им о воле Всевышней и о судьбе цивилизаций, до них бывших, никто не внимал его голоса. И был он изгнан с позором из Ура халдейского, и никто даже не покосился вслед его небольшого каравана, ибо было наказано народу: речам Фарры не внимать, при встречах не узнавать и в лицо ему не смотреть.

И было Фарре видение: то от древних, что ему дано, не сможет он передать даже сыновьям своим, дабы не постигла их участь его. Но семя сего даст всходы новые в земле ханаанской. И отправился он в землю ханаанскую, но увидеть её ему было не суждено.

Часть первая

1

Пакет лежал на краю стола. Сюзанн, ассистент Мэтра Ноэля, не стала его вскрывать, видно он показался ей излишне объёмным, а в пятницу не стоило себя слишком утруждать. Было уже четверть шестого, и Ноэль, решив, что за оставшееся до встречи в штабе Parti Quebecois время он не успеет с ним разобраться, засунул пакет в свой саквояж вместе с документами, над которыми работал. Мэтр не был широко известным членом Parti Quebecois, но он входил в её интеллектуальную элиту, небольшую, но достаточно влиятельную группу аналитиков, занимающихся подготовкой референдума, программой и стратегией партии. Бегло просмотрев оставшуюся корреспонденцию и не найдя ничего интересного, Мэтр решил, что уже пора выходить. Он накинул на руку длинный чёрный плащ, повесил на плечо саквояж, закрыл офис и спустился на лифте в компании со служащими адвокатской конторы, располагавшейся этажом выше, в гигантский холл на нулевом уровне. Здесь располагалось несколько ресторанчиков и бутиков, и отсюда, спустившись на эскалаторе в открытое пространство в центре холла, можно было по подземным переходам пройти до станции метро.

Мэтр взглянул через застеклённую стену наружу, в промежуток между двумя небоскрёбами, где просвечивался лоскуток ясного голубого неба, и решил пройтись до метро по улицам. Он вышел на бульвар Rene Levesque, повернул на Rue Peel и пошёл мимо сквера Dorchester к станции метро на бульваре de Maisonneuve. Была середина октября, «индейское лето» установилось несколько дней назад, и вечер был тёплый. Около входа в метро Мэтр остановился и купил La Presse. Эта газета была федералистской. Месяц назад состоялись выборы в национальное собрание Квебека. Parti Quebecois одержала убедительную победу, и либералы, соперники Parti Quebecois на выборах, ругали друг друга, разбирая свои ошибки. Мэтра забавляли эти запоздавшие разборки, но борьба ещё не была окончена, предстоял референдум, на котором должен был решиться вопрос о независимости Квебека.

Мэтр вышел из метро на станции Pariseau. Штаб-квартира Parti Quebecois находилась буквально в двух шагах от станции. Газету он бросил в первую урну, попавшуюся ему на пути, в стане федералистов царило смятение. Он поднялся на второй этаж и вошёл в просторный, обставленный махагониевой мебелью под старину кабинет, в котором проходили собрания аналитиков. Все уже были в сборе, эйфория от выигранных выборов ещё не прошла, и после короткого рассмотрения текущих вопросов беседа вернулась к обсуждению результатов. Рассматривались два-три округа, где

Parti Québécois удалось выиграть с очень небольшим преимуществом. В конце обсуждения к собравшемуся уходить Мэтру подошёл аббат Дюбуа, он был личным секретарём и советником архиепископа Монреала. Морис Дюбуа был невысоким округлым лысоватым мужчиной с правильными и очень выразительными чертами лица, приятными манерами и мягким голосом. В молодости он был очень красив и прославился прекрасными проповедями и организацией благотворительных акций в Квебеке.

– Его Преосвященство прочёл вашу последнюю книгу и просил меня передать, что он получил огромное удовольствие от прочитанного.

Мэтр вспомнил, что полгода назад он подарил эту книгу аббату Дюбуа со своей дарственной надписью. «Значит, Дюбуа рекомендовал мою книгу кардиналу», – понял Мэтр.

– Я искренне вам благодарен, дорогой Морис, за то, что вы представили мою книгу Его Преосвященству, – сказал Мэтр, склонив голову в знак признательности.

– Его Преосвященству очень понравился ваш стиль и простота изложения. Особенно его впечатлило то, как вы на основании очень немногочисленных достоверных данных смогли воссоздать древнее кельтское миропредставление, а также проследить за тем, как языческое искусство преобразилось в христианской культуре.

– Я очень признателен Его Преосвященству за столь точную оценку моего труда.

– Я передам вашу признательность Его Преосвященству.

Дюбуа увлѣк Мэтра в угол комнаты, где возле журнального столика с хрустальной пепельницей стояло два отдельных кресла. Мэтр повесил свой плащ на спинку кресла и опустил саквояж на пол. Они уселись друг напротив друга, Дюбуа закурил. Мэтр знал, что аббат редко себе это позволял.

– Его Преосвященство надеется, что после референдума наш народ по-новому осознает свою историю. Конечно, возникновение независимого государства послужит толчком для подъѐма национального самосознания и патриотизма, но нам бы хотелось, чтобы этот подъѐм был тесно связан с Католической церковью. Нужна книга, в которой наше начало, наши испытания, наше самосохранение как народа и наша независимость были бы изложены и осмыслены так, чтобы люди увидели основы нашей самостоятельной культуры, уходящие корнями в веру, и потянулись бы к ней. Его Преосвященство считает, что сделать это должны вы.

Вы способны глубоко чувствовать и осмысливать историю и излагать её так трепетно и увлекательно, как это может сделать только очевидец, а это очень редкий дар. Мы со своей стороны сделаем всё для публикации и распространения этой книги. Конечно, Мэтр, у вас есть свои творческие планы, но мы не собираемся связывать вас никакими сроками и надеемся только на Божью помощь и ваше вдохновение. Вы можете рассчитывать на то вознаграждение, которое сами сочтѣте должным.

Дюбуа закончил, затянулся сигаретой и вопросительно посмотрел на Мэтра. Мэтр начал осторожно:

– Дорогой аббат, я боюсь, что Его Преосвященство несколько переоценивает мои способности. Я никогда не писал для широкой публики, все мои работы адресованы в основном представителям академических кругов.

Предложение было лестным, но слишком неожиданным, Мэтр не чувствовал себя готовым к большой работе, тем более что он даже не представлял себе, как такая работа может быть написана, да и тема сама по себе не слишком его вдохновляла, она не давала простора фантазии. Мэтр покачал головой:

– Дорогой аббат, я не могу это сделать, я не верю, что философия может вам помочь. *La philosophic ne suffit pas au grand nombre. Il lui fait la saintete*¹. А это уже по вашей части.

Дюбуа закашлялся, придавил сигарету в пепельнице и взмахнул освободившейся рукой.

– Нет, Ноэль, вы неправы. Велико действие слова, надо лишь найти нужное, и оно войдёт в души. Слово как «Марсельеза», родившись в одну ночь, оно на утро уже способно вести людей. – Глаза аббата загорелись, в нём вспыхнул проповедник. – Мы верим в вас, Мэтр, вы можете! Если вы сомневаетесь в себе, поверьте Его Преосвященству, он не ошибается в людях!

Мэтр смотрел на аббата. Он никогда не пытался позна-

---

¹ Для массы недостаточно философии. Ей нужна святость (франц.).

комиться с ним поближе. На собраниях Дюбуа держался скромно, не выступая вперёд и не говоря ничего лишнего. Все давно решили, что он просто наблюдатель. Конечно, кардинал должен был знать обо всех выводах аналитиков ещё до того, как они могли стать действиями, и при необходимости высказывать замечания. Ноэль в глубине души даже был благодарен Его Преосвященству за столь деликатное, незримое присутствие, которое как бы давало молчаливое благословение принимаемым решениям. Теперь, когда аббат чуть-чуть приоткрылся, Мэтр увидел, что перед ним человек чуткой души и чувства долга. Это его впечатлило.

– Морис, дайте мне время подумать. Я должен сначала как бы увидеть эту книгу. Если я смогу её увидеть, я смогу её написать. Я никогда не писал на заказ, идеи всегда приходили ко мне неожиданно, и я не знаю, как это случается. Я буду носить эту мысль в себе, и, когда она созреет, мы вернёмся к этому разговору. Я сейчас не могу вам обещать ничего более.

Дюбуа молча извлёк из внутреннего кармана небольшую книжицу в тиснёной кожаной обложке.

– Вот возьмите, это записки предшественника Его Преосвященства. Я недавно нашёл их в архиве покойного кардинала. Он начал их писать после референдума восьмидесятого года, и я не думаю, что он собирался их публиковать. Мы понимаем, как трудно подступиться к этой теме, но, может быть, то, что вы здесь найдёте, вам поможет.

Мэтр протянул руку, он не был знаком лично с покойным

кардиналом, но ему приходилось часто его видеть.

У кардинала было лицо человека, которому хотелось исповедоваться. То, в чём кардинал исповедовался самому себе, представлялось Мэтру очень значительным. Но как только Мэтр взял книгу, он понял, что попался и не сумеет уже отказаться от работы.

– Хорошо, Морис, передайте Его Преосвященству, что я очень ценю его доверие. Я постараюсь сделать всё, что смогу.

Мэтр открыл саквояж и опустил в него книжицу.

Аббат чуть заметно улыбнулся:

– Если хотите, я вас подвезу. Вы направляетесь домой, не так ли?

– Да, дорогой Дюбуа, сделайте одолжение. – Мэтру было немного обидно, что его реакции заранее просчитали и сумели найти то, чем его можно купить. Однако такое с ним случалось довольно-таки часто, ему было очень трудно отказываться, когда его настойчиво о чём-либо просили.

Они спустились на парковку. Аббата ждал чёрный лимузин с водителем. Дорожных пробок не было, и через двадцать минут лимузин остановился у дома Мэтра. Это был старый трёхэтажный дом, втиснутый в ряд таких же старых домов с узорчатыми окнами и резными фасадами, на небольшой уютной улице, в десяти минутах ходьбы от метро Atwater.

2

В доме Мэтра ждал сюрприз. То, что сюрприз его ждёт, Мэтр понял уже у входной двери: в доме звучало пианино. Пианино стояло в лестничном холле между вторым и третьим этажом. Мэтр как-то полушутя сказал, что мог бы написать всё что угодно, кроме музыки. Для него музыкально одарённые люди были непостижимы, как инопланетяне.

Пианино осталось от матери, и у Ноэля никогда даже мысли не появлялось куда-нибудь его убрать. Мать Мэтра быстро заметила почти физическое отвращение маленького Ноэля к нотам и никогда не пыталась его учить.

Эмили сидела за пианино босиком в коротеньких шортах светло-оранжевого цвета, явно выставя напоказ свои красивые ноги поднимавшемуся к ней по лестнице Мэтру. Сверху на ней был такой же оранжевый пиджачок с короткими рукавами и шоколадного цвета блузка с глубоким отделанным вырезом, обрамлявшим её полные груди. Мэтру было трудно определить, что именно она играла, но это было нечто весьма чувственное. То, что Эмили играла на пианино, принадлежавшем его матери, несколько коробило Мэтра.

Мэтр встал у пианино, держа перед собой саквояж. Вдохновлявшая его по дороге домой надежда почитать записки кардинала рухнула. Последний аккорд был взят. Эмили повернулась к нему:

– Дорогой, где ты пропадал, я жду тебя уже целый час. Ты же обещал провести со мной этот вечер. А это что такое? – Эмили показала на саквояж. – Брось немедленно, подойди и обними меня!

Мэтр аккуратно поставил саквояж и поцеловал Эмили в пухлую щёчку. Он не мог припомнить своего приглашения, однако она несколько раз звонила ему, и он, будучи с головой погруженным в работу, вполне мог сказать что-нибудь такое, что могло быть расценено как приглашение.

– Милый, ну разве так целуют любимых женщин? – Эмили, стоя на одной ноге, нежно обняла и пылко поцеловала Мэтра. Большим пальцем другой ноги она дотянулась до стоящего на полу плеера и включила его.

– А теперь мы танцуем. – Она увлекла его на расстеленный на полу рядом с пианино ковёр.

Мэтру пришлось сделать несколько па.

– Всё, хватит, Эмили, довольно! – Он прижался спиной к стене возле стоящей в углу высокой китайской вазы с искусственными цветами.

Эмили продолжала танцевать одна, запрокинув назад голову и играя пышной копной вьющихся каштановых волос. «Господи, – подумал Мэтр, – а ведь когда-то мне это нравилось».

– Милый, почему ты не делаешь мне комплиментов, я ведь прекрасно танцую, не так ли?

Эмили продолжала кружиться, Мэтр смотрел на её босые

ноги, выделяющиеся на мягком ковре чёткие красивые движения (в юности она занималась фигурным катанием). Раньше этого было достаточно, чтобы Ноэль набрасывался на неё прямо на ковре.

– Да, дорогая, ты в прекрасной форме. Я очень рад, что ты пришла, ты не представляешь себе, как много сил я отдал этим выборам. Я приглашаю тебя поужинать в Старом городе, а потом мы вернёмся и выпьем наше любимое шампанское.

– Я уже выпила здесь без тебя. – Эмили наконец-то оставилась и показала рукой на подоконник, где стояла начатая бутылка и два бокала. Мэтр понял, что она проверила содержимое его бара и тумбочек, чтобы убедиться, что у него не было других женщин.

– Очень хорошо, мне надо поменять рубашку, а тебе переодеться. Ну, давай собираться. Мы прекрасно проведём время.

– Да, милый, ты видишь, как я умею с тобой соглашаться. Ведь это прекрасное достоинство.

– О Эмили, в тебе много несомненных прекрасных достоинств. – Мэтр взял её за руку и подтянул к себе, чтобы провести её наверх переодеться. Но Эмили поняла это по-своему.

– Вот ты уже исправляешься. – Она обвилась вокруг него. Ноэль поддался. Остатки влечения всё ещё в нём теплились, и он не стал с этим бороться. Вначале, когда чувства

были ещё свежи, им было хорошо вдвоём, и его тело это помнило.

Через несколько часов, когда страсти утихли, а шампанское было допито, Эмили потащила Мэтра на прогулку. Уже стемнело, они шли той самой дорожкой через парк, по которой они пришли к дому Мэтра первый раз. Эмили свернула с дорожки и пошла по траве, расшвыривая носками туфель опавшие жёлтые листья. Мэтр шёл рядом по асфальту. Им навстречу попалась пожилая чета, прогуливающая собачку, Мэтр услышал, как, миновав их, они стали обсуждать «эту странную пару».

Потом они пили мускат при свечах в мансарде, выходящей во внутренний дворик, Ноэль делал всё, как хотела Эмили, что-то подсказывало ему, что это их последняя встреча. Он не чувствовал сожаления. Перед сном он всё же успел заглянуть в записки кардинала.

«Церковь не может равнодушно отнестись к проблеме общественного и государственного устройства народа, наша задача принять участие в осуществлении замысла. Мы осознаём сомнительный характер всех реализаций, мы ощущаем, как то, что мы зовём государством, вновь и вновь оказывается масштабом, определяющим, сколько доброй воли имеется для создания общности и сколько, с другой стороны, требуется принуждения, чтобы в данный момент и в данном месте сохранить минимальную меру порядочности, необходимую для совместной жизни людей». С мыслями о прочитанном

он и заснул.

3

Всю субботу Мэтр провёл за городом. Одному из новых членов национального собрания исполнилось пятьдесят, и в честь своей победы на выборах он решил отпраздновать эту дату с размахом. Он был владельцем и бессменным председателем элитного гольф-клуба на берегу озера Тремблан. Гольф Мэтра интересовал мало, он предпочитал теннис, но любил здесь бывать. Ноэлю нравилось бродить или ездить верхом в прилегающем к гольф-клубу парке, иногда он брал катер и отправлялся рыбачить в каком-нибудь уединённом и тихом заливчике, где ничто не мешало ему размышлять. Участвовать в пышных торжествах он не любил, но положение обязывало. Погода была отличная, и до начала банкета Мэтр успел прогуляться вдоль озера. Банкетные столы накрыли на лужайке перед входом в здание клуба. Среди приглашённых был министр образования Квебека. Мэтр имел с ним короткую беседу, речь шла в основном о статусе французского языка в провинции. Министр был явно не прочь перетащить Мэтра к себе в Квебек-Сити, но Ноэль, упомянув о своих обещаниях, данных аббату, вежливо отказался. На службу Мэтр не стремился, ему вовсе не хотелось каждый день видеть босса, даже весьма к нему благосклонного. Все шумно веселились, к вечеру появился небольшой оркестр. Когда стемнело, над гольф-клубом устроили салют, кажется,

это было сюрпризом даже для именинника. Поболтав в баре с журналистами, Мэтр взял коктейль и вышел подышать свежим воздухом на балкон, расположенный на втором этаже. Заметив незанятое кресло, он подошёл к нему и увидел стоящего рядом Пьера Люмбера, своего однокашника по колледжу Станислас. Пьер жил в Нью-Йорке и работал в одной из крупнейших финансовых компаний мира, где, во многом благодаря связям его семьи, он сделал весьма успешную карьеру. В Монреале остались его сыновья от первого брака, к которым он был очень привязан. Последний раз Мэтр и Пьер виделись несколько лет назад на юбилее колледжа. Теперь там учились сыновья Пьера, и Мэтр, у которого не было детей, видя гордость Пьера за своих сыновей, тогда невольно ему позавидовал.

Они поговорили немного о бывших однокашниках, потом о детях Пьера. Мэтр допил свой коктейль и уже собрался покинуть Пьера, но тот уговорил его взять ещё один «дринк». Они спустились в бар и расположились в дальнем углу в двух глубоких креслах с массивными подлокотниками. Мэтр откинулся на спинку, вытянув вперёд уставшие за день ноги. Он невольно обратил внимание на то, что высокий красивый Пьер уселся в кресло, прямо как будто за свой стол в офисе. «Ну что ж, он привык, что за ним наблюдают подчинённые», – решил Ноэль. В баре уже почти никого не было.

– Послушай, Ноэль, могу ли я попросить тебя, чтобы то, что я сейчас скажу, осталось между нами?

Мэтр удивлённо посмотрел на Пьера:

– Да, конечно, можешь не сомневаться. Я не связан никакими обязательствами, которые заставили бы меня забыть старую дружбу.

Пьер посмотрел на Мэтра с признательностью:

– Ко мне сегодня подошёл советник министерства финансов и попросил позондировать реакцию Уолл-стрит на возможное отделение Квебека. В силу своего положения я не могу быть ура-патриотом какого-то Квебека, который для большого бизнеса значит не больше, чем французская Гвиана. Вы что, всерьёз хотите отделиться и думаете, что у вас это получится?

– У нас нет в этом сомнений.

– По-моему, вы слишком самоуверенны.

– Почему ты так думаешь?

– Бизнес не признаёт границ и не любит неопределённости. Зачем ему нужна ещё одна маленькая страна с явно выраженной независимой националистической направленностью и непредсказуемой политикой, да ещё чуть ли не рядом с Вашингтоном? Даже если вы будете во всём лояльны и послушны, как хорошо воспитанные младшие братики, зачем нужно иметь двух партнёров, если и одного достаточно? Как только обнаружится, что вы имеете реальные шансы выиграть референдум, на вас обрушится вся мощь единой бизнес-империи, с тем чтобы свести эти шансы к нулю. Если даже наше федеральное правительство заезвается и не начнёт

вовремя бить тревогу, всё равно даже в последний момент оно будет иметь вполне достаточно ресурсов, чтобы вырвать у вас победу. Мы движемся к глобализму, сепаратизм внутри нашего лагеря не приветствуется. Допустим, вы всё же выигрываете референдум и тут же объявите независимость... Ведь вы же именно это собираетесь сделать?

– Да, конечно, – подтвердил Мэтр.

– Вы же не представляете себе, какая паника начнётся в деловых кругах, никто и ничто не сможет её остановить. Крупный капитал побежит из Квебека, у вас нет финансовых ресурсов, чтобы продержаться хотя бы год. Вам придётся просить кредиты у европейцев или у арабов. В первом случае вы вряд ли получите сколько-нибудь солидную поддержку, во втором – вы окажетесь связанными политическими обязательствами, которые только усилят панику.

– Нет, мы будем нейтральны. Мы будем апостолом Европы в Америке, такой вот североамериканской Швейцарией, абсолютно надёжной и стабильной. Мы готовы затянуть пояса, это нас не пугает. С другой стороны, американцам следует призадуматься и оценить, какие выгоды им может принести независимый Квебек.

– Какие выгоды? – спросил Пьер сухо, эмоциональность Мэтра несколько его не заразила.

– Мы должны стать мостиком, соединяющим Европу и Америку. Отношение американцев к европейцам как к младшим слабосильным партнёрам должно быть изменено к обо-

юдной выгоде. Запад должен стать единым, другого пути нет, существующий уровень взаимопонимания с таким же успехом можно назвать взаимонепониманием. Глобальная экономика – это одно, а политическое единение – это другое, ничуть не менее важное направление развития западных демократий.

– Это утопия, – Пьер поморщился и сделал рукой какой-то неопределённый жест в сторону Мэтра, – это университетская теория, которая в лучшем случае годится для лекции по политологии какого-нибудь экс-президента. И с такими идеями в голове вы хотите заниматься политикой? Да вас слушать никто не станет! Реальная политика продиктована не возможным завтра, а необходимым сегодня.

– Пьер, это не утопия, это идеология. Это такая же идеология, как демократия, идеальная демократия – это полная утопия, однако же в неё верят. Реально мы имеем такую демократию, в которую верить нельзя, но тем не менее её терпят из-за отсутствия какого-либо другого решения. Ещё Платон сказал, что хуже демократии бывает только тирания, ну и что? Нам нужна национальная идея, пусть даже и утопическая, без такой идеи народы не становятся нациями. У американцев есть своя идеология, у них есть даже великая национальная идея. Во всяком случае, они полагают, что она у них есть, хотя она уже давно стала мифом.

Провозгласив независимость, мы начнём декларировать свою позицию, и тем самым мы заставим и Европу и Аме-

рику смотреть на нас по-новому и искать какие-то выгоды для себя из этой новой, изменившейся ситуации, и, конечно, они их найдут. Мы самоопределяемы, поскольку мы знаем, кто мы, и мы знаем, что мы хотим. Оставшаяся онтарийско-колумбийская Канада, конечно же, паникует, поскольку с нами они Канада, страна, не лишённая этакого странного своеобразия и очарования, а кто же они без нас, английский протекторат или второсортные штаты Америки? Мы не можем разойтись не потому, что не можем чего-то поделить, а потому, что без нас они теряют своё лицо. Они прекрасно понимают, что, если мы выигрываем, они проигрывают, и именно это, а вовсе не экономика является решающим фактором. Несомненно, какая-то паника будет, но это только на переходном этапе, пока будут расставлены все акценты. Потом произойдёт переоценка, будут наклеены новые ярлыки и будут повешены новые таблички: свой, чужой, очень свой, не очень чужой. И только после этого будут определены новые экономические стратегии и закипит деловая активность, поскольку место будет зачищено, и это место имеет геополитическое значение. Мы не французская Гвиана и не Никарагуа, мы имеем квалифицированное, высокообразованное европейское население, и мы гарантируем стабильность. Мы можем стать окном для обратной экономической экспансии Старого Света в Новый, и в Европе прекрасно это понимают. Когда мы исчерпаем свои резервы, мы не будем сразу просить в займы, мы начнём печатать свои банкноты. Пусть у

нас появится свой собственный государственный долг, но мы будем должны в основном своим гражданам. Внешний долг, если он возникнет, не будет расти стремительно, мы экономная нация, и у нас есть природные ресурсы. Наша конвертируемая валюта не будет привязана ни к канадскому, ни к американскому доллару.

Пьер слушал Мэтра очень внимательно, и Мэтр понял, что он заинтересовался.

– Послушай меня, Пьер, тут открываются безграничные возможности, ты можешь иметь любую информацию гораздо раньше остальных. Деньги для нас не главное, но мы очень заинтересованы в поддержке, которая по меньшей мере могла бы оградить нас от возможных финансовых афер и спекуляций. Я готов поручиться за тебя в министерстве финансов, я знаю, что ты любишь сыновей и любишь Квебек и не поддашься соблазну лёгкой наживы. Сейчас начинается большая игра, сначала политическая, потом финансовая, нам не нужны ура-патриоты, нам нужны трезвые умные головы. Когда все поймут, что мы взялись за дело очень серьёзно, таланты потянутся к нам. Тот, кто придёт раньше, достигнет большего. Я знаю твои способности и нисколько не удивлюсь, если ты когда-нибудь станешь министром финансов независимого Квебека.

Пьер невольно улыбнулся:

– О Ноэль, ты всегда был мечтателем.

Они заказали ещё один «дринк». Мэтр немного разволно-

вался и попросил двойной скотч. Сухой педантичный Пьер заказал мартини. К этой теме они уже не возвращались. Ноэль понимал, что Пьеру необходимо всё тщательно взвесить и обдумать. Мэтр был очень доволен собой; конечно, он думал об этом и ранее, но эту речь он сымпровизировал, и импровизация удалась, ещё один сомневающийся был склонён на сторону квебекуа!

Мэтр добрался до своего дома только около двух часов дня в воскресенье. Он испытывал угрызения совести оттого, что за два дня не провёл и часа за своим рабочим столом. Он мог обдумывать и обсуждать свои идеи где угодно, в баре, в автомобиле, в аэропорту, но полностью сосредоточиться, собраться и изложить то, о чём он думал, он мог только в своём кабинете. Работа приносила ему не просто удовлетворение, она была главным, если не единственным, оправданием его существования. В его кабинете было много символических для него вещей: деревянные и каменные статуэтки самых различных стилей и происхождения, коллекция каких-то немислимых и никогда не работавших механических часов (Мэтр не знал как и никогда не пытался их заводить), несколько удивительной красоты кристаллов, коралловые ветки, полдюжины миниатюрных картин и многое другое. Всё это стояло в основном в книжных шкафах, занимающих длинную стену между выходящем на улицу окном и изящной дверью с узорчатым стеклом, через которую можно было по наружной лестнице спуститься во внутренний дворик. По мере увеличения своей странной коллекции Мэтру пришлось повесить полки вдоль остальных стен, которые сделал для него известный реставратор старинной мебели, побывавший как-то в кабинете Мэтра и сумевший оце-

нить его оригинальный вкус. Ноэль не мог сказать, каким образом все эти предметы на него влияют, но тем не менее он был уверен, что если бы даже один из них исчез, то что-то изменилось бы в атмосфере кабинета, чего-то бы не хватало, и он бы уже не смог в нём нормально работать. Женщин он сюда не пускал категорически, каждая вещь, как созвездие на ночном небе, занимала своё строго определённое положение. Закономерность их взаиморасположения установить было невозможно, но в целом они гармонировали друг с другом, создавая какой-то определённый устоявшийся миропорядок.

Этот дом достался Ноэлю от матери, и он старался по мере возможности сохранять его в прежнем виде. С возрастом Ноэль открывал в себе много материнских черт и удивлялся этому, поскольку внешне он больше походил на отца, фотография которого рядом с де Голлем, снятая во время визита президента Франции в Квебек, висела слева от стола. Большой портрет матери в овальной рамке висел справа на противоположной стене возле окна. Наскоро приготовив себе кофе, Мэтр устроился поудобнее в кресле и раскрыл записки кардинала. Они представляли собой отдельные датированные высказывания, заметки и размышления, кардинал не ставил себе задачу придать им какую-либо цельную форму. Ноэль начал пролистывать страницы, выискивая наиболее интересные места.

«Мы не должны становиться этнической химерой, где

владение заменяет бытие, а взаимная эксплуатация – взаимопомощь, наше государственное образование не должно стать местом, где люди не уничтожают друг друга только потому, что боятся другого и нуждаются в другом».

«Народ должен сохранять себя как предпосылка человеческого ответа Богу. Народ должен существовать для того, давать человеческий ответ всей своей жизнью, в частности общественной. Не отдельная личность, а только общность в совместном проживании её разнотипных членов с различными призваниями может дать Богу единый ответ жизни человека».

«Христианин не вправе игнорировать общественную, практическую жизнь.

Не уклоняться от неё, а, напротив, обострять свою восприимчивость к ней – вот его обязанность. Необходимо широкое и углубленное социологическое просвещение в духовных учебных заведениях. Подобное просвещение в них практически отсутствует. В результате это нередко оборачивалось тем, что многие выпускники, ставшие пастырями, оказывались социально незащитными. Некоторые из них уступали искушениям Ангела света и становились социалистами».

Пролистав ещё несколько страниц, Мэтр понял, почему аббат предложил ему ознакомиться с этими записями. Кардинал полагал, что после образования независимого государства Parti Quebecois должна поменять свою платформу

и превратиться из националистической партии в христианско-демократическую.

«Христианская социология – это учение о путях «творческого усмирения хаоса», о методах и средствах овладения беспорядком. Оно означает понимание того, что Господь – это Бог порядка. Существуют различные виды порядка, и далеко не каждый из них отвечает христианским критериям. Задача христианской социологии состоит в том, чтобы обосновать необходимость и возможность созидания таких форм социального порядка, которые бы в полной мере соответствовали этим критериям. Все, что противоречит Божиим установлениям и вносит в них диссонанс, элементы разлада, беспорядка, хаоса, подлежит реорганизации, трансформации, упорядочению. Это относится в первую очередь к социальной сфере, к областям экономики, государственности, права и морали».

«Призвание христианской социологии – не оправдание, а объяснение социальной реальности. Её суть не апологетическая, а аналитическая».

«Христианская социология выполняет критериальную функцию и позволяет отсекать ложные идейные конструкции, не допускать их участия в социальном познании».

«Как только национальное государство образовано и цель национализма выполнена, он как духовное движение должен уступить своё место национальному гуманизму – то есть христианской демократии».

Конечно, Мэтр понимал, что Parti Québécois до и после достижения цели – это две разные партии, но он никогда так глубоко над этим не задумывался. Мэтр глотнул остывшее кофе и продолжил чтение.

«Царствие Божие есть единое благо, которое нам надо искать... Господь не царствует по-настоящему в мире, пока князь мира сего в нём господствует. Ныне Царство Божие – не от мира сего. Но это изменится, и тогда Бог будет «всё во всём». Государство должно служить орудием Бога и Церкви. Но если у народа есть возможность жить под непосредственным Божиим водительством, то лучше обходиться без государства. Если же такой возможности нет, тогда для государства наилучший из путей состоит в том, чтобы исполнять волю Божию».

«Христианство чуждо тупой прямолинейности. Оно никогда не обещало, что все люди будут исполнять закон Христов и что закон этот будет исключать всякое право. Напротив, Евангелие предсказывает войны и разделения. Необходимо осуществлять нравственный закон и способом государственных законов. Нельзя не наказывать преступника, даже не из любви к нему самому, а из любви к другим. Государство, конечно, не есть райская норма, а норма в связи с грехопадением. Оно не будет нормой в горнем Иерусалиме. Но пока, на земле, нужна государственная правовая защита».

«Цель права одновременно и отрицательна и положительна. Она состоит как в борьбе с анархией и хаосом, так и в со-

хранении существующего порядка вещей, в устройстве цивилизованной жизни».

С последним положением Мэтр был полностью согласен, любая форма анархизма была чужда его творческой натуре, требующей гармонии и согласия человека, природы и общества. Однако высказывание «Государство должно служить орудием Бога и Церкви» несколько переходило границы современных христианско-демократических представлений о роли государства, и вряд ли кто-либо в Parti Quebecois согласился бы с таким принципом. Но то, что после завоевания независимости национализм, во всяком случае внешне, не должен оставаться главным политическим течением партии, понимали многие. Впрочем, сначала надо было эту независимость завоевать.

Мэтр отложил в сторону записки. Их направленность была ясна, кардинал заботился о возвращении влияния Церкви на общественную жизнь Квебека, утраченного после тихой революции шестидесятых годов. Он рассчитывал, что это возможно, если стремление к христианскому корпоративизму, то есть к сотрудничеству на христианской основе в рамках промышленных компаний и аграрных объединений между предпринимателями и работниками различных уровней, станет доминантой внутренней политики независимого Квебека. И тогда «наш народ в силу присущего ему чувства самосохранения и духовного инстинкта сможет вернуться в лоно Церкви, которая, развив в себе национальные формы,

должна стать опорой национального самосознания». Конечно, тут оставалось много неясного и необозначенного, но, поразмыслив немного, Мэтр решил, что это не его задача. От него ждали опозитизированной истории Квебека, которая могла бы стать своего рода бестселлером, домашней книгой каждого квебекуа. «Я не могу отказываться от этой работы, – подумал Мэтр. – Будет лучше, если это будет сделано честно и объективно, мало ли было случаев, когда историю после политических переворотов перелицовывали до неузнаваемости». Мэтр уже представлял себе примерный объём этой книги, о каких-то определённых формах, в которых могло бы воплотиться содержание, он решил пока не думать. Как-нибудь появится первая фраза, она потянет за собой другую, и форма определится сама. Мэтр поставил записки кардинала на полку рядом с трехтомной историей Квебека, там же стояли монографии по истории Монреаля и Квебек-Сити. Эта тема пока его не интересовала. Вернувшись к рабочему столу, он достал из полураскрытого саквояжа папку с рабочими документами вместе с объёмистым желтым пакетом и случайно взглянул на штампель отправителя. Пакет был из специального отдела министерства иммиграции Квебека, занимающегося отбором и оценкой информации, поступающей от людей, попросивших политического убежища в Канаде. Мэтра несколько удивило, что пакет был адресован ему. Этот отдел имел право привлекать к своей работе политологов, этнографов, специалистов в области междуна-

родного права, дипломатов, корреспондентов и т. д., но зачем он мог им понадобиться, представить себе было трудно. Это несколько заинтриговало Ноэля, он разорвал пакет и углубился в чтение. Он прочёл содержимое пакета раз, потом ещё раз, потом ещё, но уже медленнее. По мере погружения в текст он обнаруживал новые, более глубокие смыслы и уровни, ускользающие при первых прочтениях. Составить какое-либо определённое мнение о прочитанном, основываясь на первом впечатлении, не представлялось возможным. Хотя Мэтр и обладал способностью быстро схватывать суть, но эта информация требовала тщательного изучения. Ноэль освободил стол от всего лишнего и разложил документы по всей его поверхности, стараясь оценить каждый в отдельности, выявить взаимосвязи между ними и определить недостающие звенья. Постепенно Мэтр отобрал и отложил в сторону второстепенные документы и оставил главные. Потом он выделил в них жёлтым фломастером десятка полтора абзацев. Речь в них шла о пророке. Пророк был из Израиля, пророчества прилагались – двадцать страниц рукописного текста. Тому, что было на них написано, трудно было не верить. Ноэль просмотрел их ещё раз, помечая места, требующие уточнений. По масштабу и глубине разработки пророчеств можно было предположить о наличии скрытой организации пророков, пытающихся спасти этот мир.

Оставив документы разложенными на столе, Мэтр спустился на кухню. Работать с этими документами прямо сей-

час ему было трудно, требовалось какое-то время, чтобы сформировать поток мыслей и определить своё отношение к прочитанному. Ему очень хотелось отбросить всё это как сущую бессмыслицу, несмотря на то что он почувствовал, что за этим есть нечто могучее, реальное и действенное. Обычно скрытая или скрываемая, другая сторона мировой истории раскрывала себя. Это открывалось и обозначалось в подтексте как интуитивное, не вполне осознанное ощущение. Мэтр понимал, что выразить нечто подобное прямой человеческой речью не представлялось возможным. Однако это было слишком. Пророчества охватывали историю мира как минимум на следующие пятьсот лет...

Мэтр достал бутылку мерло, сделал себе стейк, сервировав его овощами, размороженными в микроволновой печи, и приступил к ужину. Было уже около семи вечера, а думать о спасении мира на пустой желудок не хотелось. Закончив ужин, он взял сигарету и направился во внутренний дворик. Возле тумбочки с телефоном он остановился, на автоответчике было несколько новых сообщений. Одно из них было от Шарля Бернье, давнишнего знакомого Ноэля, работавшего в министерстве иммиграции Квебека. Шарль сообщал, что направил Мэтру копии любопытных документов, имеющих в его распоряжении, и что он заранее благодарен за любой совет, и, если Мэтра это не затруднит, хотел бы с ним встретиться и поговорить. Мэтр почувствовал, что в голосе Шарля звучала неуверенность, что было ему вовсе не свой-

ственно.

Последнее сообщение было от Эмили: «Ноэль, я была в твоём кабинете и поняла то, что ты скрываешь от меня, а может быть, и от самого себя. Нет, это не твой мир, куда ты меня упорно не пускал. Я видела портрет твоей матери и поняла, почему ты никого не хочешь к себе приблизить. Я не хочу говорить ничего более этого. Твоя мать всё ещё живёт в этом доме, и здесь нет места для другой женщины. Ноэль, ты не можешь стать самим собой, ты всё ещё ребёнок. Прощай!»

Это сообщение Ноэль стёр. Оно его не интересовало.

Документы были получены министерством иммиграции от адвоката истца в феврале 1994 года. Они пролежали в комитете по делам беженцев почти пол год а, дожидаясь своей очереди. Шарль Бернье получил их на руки для ознакомления за три недели до назначенной даты слушания. Суть дела сводилась к следующему. Перед выборами 1992 года в Израиле возникла религиозно-политическая организация, называвшая себя реформистским обществом. Активное ядро этой организации составляли около десяти человек. Организация распространяла литературу и проводила митинги. Деятельность организации в основном осуществлялась в Хайфе и Иерусалиме. После окончания выборов на активных членов организации было оказано давление со стороны крайне правых, националистически настроенных группировок, и не без участия правительственных организаций. В конце января 1994 года он вынужден был покинуть Израиль.

Из персональной информационной формы следовало, что он родился и получил образование в бывшем Советском Союзе. Иммигрировал в Израиль в октябре 1987 года. Работал в сервисном отделе крупной электронной компании. Паспорт выдан 12 марта 1990 года в Хайфе, срок действия до 11 марта 1995 года. Отметки в паспорте показывали, что он побывал в некоторых азиатских странах, Южной Африке и

в Европе.

В деле также были копии удостоверения личности, международных водительских прав и свидетельства о рождении.

В отдельной папке были собраны документы, подтверждающие историю. В основном это были копии газетных и журнальных статей. Их можно было расценивать как косвенные доказательства. Кроме этого, в папке находились образцы литературы, распространяемой обществом, со ссылками на первоисточники. Вся литература была отпечатана на компьютере и размножена на ксероксе, кроме трех брошюр, отпечатанных типографским способом. Одна называлась «Духовная история человечества», другая – «Иудаизм и цивилизация», третья – «Апокалипсис, или завершение творения». Типография указана не была, брошюры были отпечатаны на русском и иврите, переводы на английский прилагались. История Бернье не понравилась, хотя в целом она и казалась правдоподобной, но отдельные факты вызывали у него сомнения. Бернье провёл собственное расследование на основании документов, имеющихся в распоряжении министерства иммиграции. Прямых доказательств существования данной организации он не обнаружил. Бернье ещё раз просмотрел имеющиеся в деле документы, но на этот раз он пошёл дальше и пролистал брошюры. Речь в них шла о некоей «духовной революции», дальше Бернье читать не стал. От всех «революционеров» пахло террором и насилием, а в это время было издано специальное постановление мини-

стра иммиграции Канады, требующее от иммиграционных чиновников предотвратить проникновение на территорию Канады членов террористических и подобных им организаций и дающее право на немедленную их депортацию. Кроме того, Бернье был консерватором и пессимистом, и само слово «революция» ему не очень нравилось, несмотря на то что в конце шестидесятых годов он сам принимал участие в студенческих волнениях в Париже, где молодой Шарль Бернье изучал международное право. Шарлю были совершенно безразличны мотивы этих выступлений, он принимал участие в них просто так, за кампанию, чтобы друзья не могли считать его трусом. Но об этих «грехах» своей молодости он старался не вспоминать. Бернье решил не разбираться и не рисковать. Случаев, когда люди с темным прошлым получали в Канаде статус беженца, было немало. Достаточно того, что этот человек был членом какой-то неизвестной организации, что само по себе весьма подозрительно. Бернье решил, что закончит это дело часа за полтора, и назначил судебное заседание на послеобеденное время. До обеда у него было назначено рассмотрение дела беженца из Гаити, решение по этому делу казалось очевидным. Всё бы так и произошло, но вмешалась случайность.

При слушании первого дела всплыли любопытные подробности политической ситуации в стране, и оно слегка затянулось. За время первого слушания Бернье устал и решил дать себе немного отдохнуть. Он курил в фойе перед комна-

той переводчиков, когда Мими Боливо, адвокат, взявшая на себя его защиту, обеспокоенная тем, что прошло уже полчаса после назначенного времени, а её и её подзащитного не приглашают в комнату суда, нашла Бернье. Бернье знал Мими лет десять. О том, что Бернье будет вести этот суд, Мими узнала только пять минут назад в приемной, адвокаты никогда не знали заранее, кто из членов комитета по делам беженцев будет вести дело.

– Ну, что ты мне там приготовила? – приветствовал её Бернье.

Мими, чуть-чуть улыбаясь, пожала плечами:

– Увидишь, он со странностями, но производит приятное впечатление.

– Ты ему веришь?

– В общем, да.

– Что он из себя представляет?

– Это трудно определить, он очень неглуп.

– Где он сейчас?

– Сидит в приемной.

– Побудь здесь, я сейчас вернусь.

Движимый каким-то неизвестным порывом, а может быть просто любопытством, Бернье вышел в приемную суда, чтобы взглянуть на того, с кем ему предстояло сразиться. Для Бернье суд был поединком, в котором он наслаждался победами своего ума. Бернье от природы был хитер и проницателен. За годы работы в иммиграционном суде у него по-

явилось почти безошибочное чутье. Он мог с первого взгляда понять человека и отделить его правду от его лжи. Кроме того, он обладал реакцией биржевого игрока и цепкостью налогового инспектора. Под его пронизательным взглядом даже некоторые его коллеги чувствовали себя неудобно. Стоило Бернье на суде уловить малейшую фальшь или небольшое преувеличение, как он тут же находил какое-либо слабое место в рассказе беженца и задавал каверзный вопрос. Бернье не был зловредным человеком, он просто развлекался, в конце концов, работа судьи – это такая же скучная вещь, как и всякая другая работа.

Суд должен был проходить в старом здании на De La Gauchetiere. Приемная представляла собой небольшую угловую комнату с длинной вешалкой для верхней одежды и несколькими рядами дешевых кресел. Бернье был настолько уверен в себе, что не потрудился как следует изучить дело и запомнить фотографии, имеющиеся в нем. И когда Бернье остановился перед первым рядом кресел, то он вдруг обнаружил, что не может его найти. Бернье обвел взглядом всю комнату. В ней было человек пятнадцать: две семьи с детьми, молодая пара, находящаяся в состоянии напряженного ожидания, три женщины и несколько одиноких мужчин, но среди них не было никого, кто бы подходил по возрасту и был бы похож на беженца.

Бернье довольно громко назвал его имя. Вдруг чуть ли не

из-под его руки ему тихо ответили: «It's me»². Бернье повернулся, говорил человек, на которого Бернье вовсе не обратил никакого внимания, приняв его за какого-то неизвестного ему адвоката или его помощника.

Человек, сидящий в кресле в двух шагах от Шарля Бернье, был настолько сконцентрирован и погружён в себя, что, отвечая Бернье, даже не повернулся в его сторону. Он сосредоточенно смотрел прямо перед собой, как будто внимательно слушая кого-то. Наконец его взгляд оторвался от невидимого собеседника, и он с любопытством посмотрел на Бернье. Глаза их встретились. Несколько мгновений они пристально смотрели друг на друга. И вдруг Бернье забыл, куда и зачем он пришёл, он застыл словно загипнотизированный, словно притянутый каким-то вращающимся светящимся магнитом. Вот так однажды в детстве он смотрел на играющие блики солнечного света в переливающихся струйках ручейка и ни о чём не думал, в нём звучала журчащая, чарующая музыка весеннего говора пробудившейся природы, её нельзя было услышать, она звучала в самом Бернье. Но сейчас Бернье не мог ничего услышать, он даже и не пытался что-либо уловить, он не мог, да и не желал этого. Он только почувствовал, как его контрови овладел им; легко вобрал в себя мягкий и податливый, как бы вновь ставший детским рассудок Бернье и на какую-то долю секунды соединился с ним. Ошеломленный Бернье не успел даже подумать о самозащите, как он

---

² Это я (англ.).

как бы вошёл в него, ощутил и понял всё и, тут же потеряв к Бернье всякий интерес, отпустил его к самому себе. Он снова перевел взгляд в прежнюю точку, как бы продолжая прерванную беседу. В неподвижном пространстве его взгляда Бернье прекратил существовать. Сей бессловесный ответ как бы означал: «Ты пришёл посмотреть на меня, ну что ж, смотри». Бернье очнулся, усилием воли стряхнул с себя оцепенение и превратился в прежнего Бернье. Некоторое время он всё ещё ошеломленно рассматривал его, пытаясь понять происходящее. Это не было ни молитвой, ни медитацией, не было это и разговором с самим собой. Губы его не шевелились, взгляд его был сосредоточен, казалось, он действительно что-то слышал и внимал услышанному. Это могло быть бессловесной беседой, но с кем? Бернье проследил за его взглядом, но ничего, кроме пустой вешалки, не увидел. Стоять вот так, уставившись на сидящего в кресле человека, было довольно глупо, Бернье повернулся и нерешительно пошёл назад. Странно, он вдруг поймал себя на том, что чувствует некоторое облегчение.

Мими стояла на том же месте, где Бернье оставил ее.

– Слушай, я бы хотел отложить этот суд.

– Да?! А что случилось?

Такая перспектива вовсе не устраивала Мими. Она довольно-таки добросовестно готовилась к суду, переворошила ворох документов, и ей казалось, что она могла бы неплохо выступить. Результат её интересовал мало, он несколько

не влиял на её гонорар. Ей было жалко затраченного времени, к тому же любое отложенное дело мешало остальным.

– Я слишком устал сегодня.

Это было правдой, но это не было всей правдой. Бернье прекрасно понимал Мими, но сейчас ему было не до её проблем. Он ещё не успел разобраться в своих впечатлениях. Фигура, реакции, интонация голоса этого человека четко закрепились в профессиональной памяти Бернье, но Бернье не мог вспомнить его лица, да он и не видел его, он полностью утонул в его глазах, он ни разу в жизни не встречал такого «взгляда». Что-то случилось с Бернье, он помнил всё, что было до того и что было после, но то, что произошло, не оставило о себе никаких воспоминаний. Бернье не мог даже сказать, как долго это длилось, хотя ни на одно мгновение сознание не покидало его. Бернье понял только одно: ни он и никто другой из чиновников иммиграции не готов к такому вот «противнику». Бернье был достаточно квалифицированным профессионалом и умел владеть собой в любой ситуации. Он осторожно взял Мими за руку, подвел к стоящему у окна креслу и бережно усадил в него.

– Подожди меня здесь.

Мими внимательно посмотрела на него. Несмотря на всё его самообладание, Бернье был заметно возбужден. Глаза его выдавали некую растерянность и даже толику испуга.

«Начинается что-то серьезное, – поняла Мими. – Господи, – подумала она, – зачем я взяла это дело?»

Бернье пошёл в кабинет и заполнил необходимые формы. Сам отнёс их в бюро и зарегистрировал, потом подозвал переводчика и вместе с ним подошёл к Мими.

– Вот, – он протянул переводчику заполненный бланк, – подойдешь к сидящему возле вешалки человеку, – Бернье показал на него, через полуоткрытую дверь фойе была видна часть приёмной, – дашь ему расписаться в этом бланке и скажешь, что уведомление о новой дате слушания он получит по почте.

– Мими, останься. – Бернье прикоснулся рукой к плечу собравшейся удалиться Мими. – Мне нужно знать всё. Всё, что ты знаешь о нём.

Бернье внимательно наблюдал, как переводчик подошёл к нему, что-то сказал и протянул к нему форму. Он достал ручку и не читая расписался. Снял с вешалки плащ и не спеша направился в сторону лифта. Ничего необычного не произошло.

6

Ноэль расположился в своём излюбленном плетёном кресле, стоящем во внутреннем дворике на открытой террасе. Зажёг сигарету и задумался. Ему никогда не приходилось встречаться с чем-либо подобным. Пророчества обладали огромной поэтической силой воздействия. Но Мэтр не собирался разбирать их поэтические достоинства. На уровне логического мышления они давали достаточно ясные опорные точки, отталкиваясь от которых можно было попытаться создать историческую концепцию, позволяющую увидеть мировую историю по-новому. Это предполагало работу великих мыслителей. Но и на более приземлённом уровне такого рода знания можно было использовать. Несколько броских лозунгов, умело составленная, в расчёте на уставшего и разуверившегося обывателя, политическая платформа, яркие речи и личная харизма, что ещё надо для национального лидера? Раскачиваясь с сигаретой в кресле, Мэтр позволил себе помечтать. В его жизни было немало нереализованных планов и упущенных возможностей, о которых он, признаваясь себе, не очень-то и сожалел. Его несколько легкомысленное и ни к чему не обязывающее «Je suis professor Noel»³ вполне его устраивало. Но вместе с тем Мэтр был уверен в том, что он легко мог бы стать выдающимся политиком. Не

---

³ Я профессор Ноэль (франц.).

единожды он видел себя стоящим перед огромными аудиториями; он чувствует излучение направленных на него кинокамер, вспышки фотоаппаратов салютуют ему и заряжают его энергией, выкрики толпы подхлестывают его. Он ждёт, надо дать эмоциям чуть-чуть поостыть. К нему подступает ораторское вдохновение. Вот он слегка поворачивается, толпа следит за его движением, шум постепенно утихает... Однако всё это было лишь игрой воображения. Мэтр был блестящим аналитиком, и, как все аналитики, он не был человеком действия...

Мэтр знал, что его привилегированное положение – это следствие не столько его знаний, ума и таланта, сколько тупости, инертности и лени, заложенных в генах человеческого рода. Любые попытки людей духа «улучшить историю» наталкиваются на генетический консерватизм пещерного обывателя и неизбежно проваливаются. Можно заигрывать с толпой, можно имитировать сильную светлую личность, но нельзя ей быть. Толпа это поймёт и не простит, ей нужен «один из нас», некто, «мыслящий как мы». Человек духа вне толпы. Толпе нужен посредник, всегда готовый на любой компромисс. Тем не менее Мэтр часто казался себе стоящим на вершине трамплина, стоило лишь оттолкнуться посильнее и броситься в этот бурлящий поток политических игр, интриг, сталкивающихся амбиций и интересов...

Ноэль вернулся на кухню и наполнил бокал. Беспокоить Бернье в воскресенье вечером ему не хотелось. Будет лучше,

решил Мэтр, если Сюзанн найдёт Бернье завтра в министерстве и соединит с ним. А пока можно посидеть на террасе, дать волю воображению и заодно обдумать предстоящую беседу с Бернье. Этот хитрый лис наверняка что-то хочет от Мэтра. Вряд ли он стал бы звонить ему просто так, чтобы оказать дружескую услугу.

Бернье завёл Мими в свой кабинет.

– Садись, сейчас нам принесут кофе. – Бернье отдал короткое распоряжение по телефону.

– Как вы познакомились?

Мими была явно растеряна.

– Кто-то позвонил мне и сказал, что посылает ко мне клиента, и попросил назначить время встречи.

– Кто этот кто-то?

– Я не помню, звонок был из общественной организации, оказывающей помощь иммигрантам. Там сидят студенты и ушедшие от дел юристы, которым скучно сидеть дома.

– Почему позвонили именно тебе?

– Я приклеила там своё объявление и раздавала визитные карточки.

– Он пришёл один?

– Да, но когда он уходил от меня после первой встречи, я увидела в окно, что его ждала машина.

– Сколько встреч у вас было?

– Как обычно, пять-шесть, я могу проверить по своему журналу.

– Ты можешь восстановить в памяти и записать содержание всех ваших бесед? Меня интересуют любые детали.

– Думаю, что смогу.

– Что ещё ты можешь мне рассказать?

– У меня есть документы, которые он передал мне для ознакомления, но просил, чтобы я не делала на них никаких ссылок.

– Где они?

Мими достала из портфеля голубую папку с вложенными в неё документами. Бернье взял у Мими папку и бегло пролистал.

– Ещё что-нибудь?

– Он приносил мне рукописные материалы, которые просил вернуть.

– Что там, личная информация?

– Нет, какие-то изречения, весьма странные по форме и содержанию и к тому же трудночитаемые. У меня не было времени внимательно с ними ознакомиться, но я сделала копии.

– Отлично, пришли их мне.

– Нет проблем.

– Что-нибудь ещё у тебя осталось?

– Нет, это всё.

– Были ли у вас какие-либо беседы на отвлечённые темы?

– Нет. Но один раз он приносил книги и хотел их мне показать.

– Какие книги?

– Не помню, мне они показались не относящимся к делу.

Бернье покачал головой.

Принесли кофе. Мими сделала осторожный глоток.

– Послушай, Шарль, может, вы найдёте вместо меня другого адвоката? – Мими сделала лёгкое ударение на слове «адвокат». – Я под каким-нибудь предлогом передам ему это дело. Он, естественно, начнёт с самого начала, и вы получите более полную информацию.

Бернье подозрительно посмотрел на Мими.

– Нельзя. У вас, насколько я понимаю, установился некоторый уровень доверия. Если ты откажешься от этого дела, он может что-то заподозрить. Продолжай вести это дело как обычно. Не нужно, чтобы он почувствовал, что вызывает повышенный интерес. Никаких лишних вопросов и никакой самодеятельности. Просто удели ему чуть-чуть больше внимания и старательно наблюдай за ним. Было бы хорошо, если бы ты смогла набросать его психологический портрет. Его реакции, манера держать себя, интонации голоса, особенности поведения. То, как ты его чувствуешь и воспринимаешь.

– Понятно.

– Кстати, не замечала ли ты за ним каких-либо странностей? Например, медитаций, погружений в себя, чрезмерной сосредоточенности.

– Нет, ничего такого. Держится он вполне нормально, реакции адекватные. Иногда он бывает возбуждён, но чаще выглядит уставшим.

Бернье почувствовал, что Мими симпатизирует своему подзащитному и решил пока её дальше не расспрашивать.

– Ну хорошо, пошли мне сегодня по факсу эти копии. С записями ваших бесед не торопись, постарайся получше всё вспомнить, и, пожалуйста, никакого анализа и обобщений, только голые факты. – Бернье по опыту хорошо знал, что адвокаты слишком часто додумывали истории своих подзащитных и тем самым навязывали суду свои версии событий. – Я свяжусь с тобой, если нам понадобится твоя помощь.

Бернье получил факс от Мими через час. К этому времени он уже успел просмотреть документы в голубой папке. Прочитав факс и сопоставив факты, Бернье заподозрил, что за организацией, упомянутой в истории, стоит другая, скрытая и могущественная, пытающаяся осторожно прощупать почву, перед тем как заявить о себе. Бернье похвалил себя за проникательность. Как бы там ни было, он сумел почувствовать необычность и начал раскручивать эту историю. «Все-таки будем основываться не на предположениях, а на фактах, – рассуждал Бернье. – Некто в Израиле по существу объявляет себя пророком. Попророчествовав совсем немного и вызвав возмущение как со стороны ортодоксальных евреев, так и со стороны простых обывателей, он прибывает в Канаду и просит политическое убежище. Ну и что он собирается здесь делать? Объявить себя экстрасенсом и начать предсказывать будущее? Вряд ли, скорее, организует какую-нибудь секту. Если принять во внимание спиритуаль-ные способности и некоторую харизму, он вполне на это способен, а это едва ли кому-нибудь может понравиться. Нет, положительное решение по этому делу выносить нельзя. Слух о таком необычном деле после его рассмотрения и прохождения через секретариат распространится мгновенно». Бернье представил себе ядовитые усмешки его коллег: «Представьте се-

бе, Шарль Бернье предоставил какому-то полусумасшедшему, называющему себя пророком, статус беженца. Наверно, у него самого уже появились симптоматичные странности. Ха-ха-ха...» Бернье слишком часто и не всегда безобидно подшучивал над своими коллегами и знал, что и они не упустят случая ответить тем же. С другой стороны, допустим, что он не примет все факты в рассмотрение, отклонив их как не заслуживающие доверия, и представит дело как значительно преувеличенные опасения человека, склонного к мистике и самовнушению. В таком случае весьма вероятно, что дело будет подано на апелляцию. И если за этим действительно стоит другая организация, преследующая свои никому не известные цели, то тогда вместо Мими, которую явно подобрали как бы случайно, чтобы не раскрываться прежде времени, появится адвокат покрупнее и понастырнее и разнесёт решение Бернье в пух и прах. Да, более идиотское дело придумать трудно!

Бернье проработал в министерстве двенадцать лет и был на хорошем счету, ещё ни разу его решения не были пересмотрены апелляционным судом. Бернье сам надеялся в ближайшее время стать членом апелляционной комиссии (вакансия оставалась свободной уже более полугода, и Бернье знал, что имеет шансы её занять). А это место в министерстве иммиграции Квебека считалось хорошим плацдармом для дальнейшего продвижения по служебной лестнице. Бернье вовсе не хотелось брать на себе какое бы то ни было рис-

кованное решение, которое могло бы повлиять на его служебное положение. Но если быть до конца честным, то ещё меньше Бернье хотелось вновь почувствовать на себе этот взгляд, но об этом Шарль Бернье изо всех сил старался забыть...

Мэтр познакомился с Бернье за карточным столом. Ноэль вытащил семёрку и оказался в паре с Бернье, вытащившим девятку. После пары робберов они сыгрались. Бернье был классным игроком, прекрасно помнящим все вышедшие карты и великолепно угадывающим карты партнёра. Мэтр, увидев, что Бернье играет значительно сильнее его, предоставил Бернье инициативу и брал на себя игру только когда был уверен во взятках. Бридж не был серьёзным увлечением Мэтра, он относился к нему как к развлечению. Обыкновенно он проигрывал, что, впрочем, его мало огорчало, но на этот раз Ноэль разделил с Бернье довольно внушительный выигрыш. В конце игры им пошла карта и Мэтр вошёл в азарт, что бывало с ним очень редко. На радостях он пригласил Бернье поужинать. Оставаться ужинать в клубе, где проходила игра, им не хотелось. После длительного сидения за карточным столом не мешало размять ноги, и они отправились от Boulevard de Maisonneuve вверх по Rue St. Deni на Rue Prince Arthur. Мэтр любил эту небольшую пешеходную улицу, где можно было, уютно расположившись за столиком у тротуара, наблюдать за прогуливающимися по ней прохожими. Обычно Мэтр, усевшись в каком-нибудь не слишком шумном баре, не спеша пил там кофе или потягивал бокал вина, а ужинать предпочитал в более престижном

месте, но Бернье уговорил его зайти в ресторан «Мазурка» и заказать котлету по-польски в грибном соусе с картофельными оладьями. Мэтр, бывший не прочь попробовать что-нибудь новое, с удовольствием согласился. По дороге они разговорились. Бернье проявил живой интерес к социологическим исследованиям, которыми в то время занимался Мэтр, его здравый смысл и остроумные замечания понравились Мэтру, и они расстались приятелями. Через несколько месяцев Мэтр подарил Бернье свою новую книгу. Бернье без труда обнаружил там главу, представляющую собой развитие темы, которую они обсуждали с Мэтром при первой встрече. Он позвонил Мэтру, они встретились и продолжили обсуждение. С тех пор Мэтр дарил Бернье каждую свою новую книгу. Бернье в присущей ему судейской дружески-ироничной манере критиковал её. Некоторые комментарии Шарля казались Мэтру предвзятыми, и иногда они ожесточённо спорили. Но Мэтр, даже если Бернье был явно не прав, никогда на него не обижался. Бернье несколько раз специально оставлял книги, подписанные Мэтром, на своём рабочем столе, так что о его дружбе с Мэтром вскоре узнали все его коллеги по работе, что в немалой степени укрепило его авторитет.

Они встретились на втором этаже ресторана Europea. Ресторан располагался на Rue de la Montagne недалеко от делового центра города в перестроенном здании восемнадцатого века с узорчатым фасадом и башенками на крыше. Когда Мэтр вошёл, Бернье, пришедший немного раньше, обсуждал с подошедшим к нему администратором достоинства красных вин, произведенных в южных районах Франции. Немного подискутировав, они сошлись на Cotes de Rhone 1988 года. Мэтр, не обладавший сколько-нибудь серьёзными познаниями в области виноделия, согласился с выбором. По совету администратора Мэтр заказал себе блюдо дня – копчёную утиную ветчину и тартар из говядины со свежими листьями горчицы. Бернье, пролистав всё меню, остановился на хлебцах из телятины и фрикасе со взбитым маслом и лимонной цедрой.

Они немного поговорили об общих знакомых, обсудили результаты выборов и последние новости. Бернье покончил с хлебцами из телятины, наполнил бокал и, подождав, пока Мэтр наполнит свой, перешёл к главной теме:

– Ноэль, я послал вам документы, которые, как мне кажется, могут представлять для нас значительный интерес. Я намеренно воздержался от предварительной оценки и анализа фактов, но, поверьте моему чутью и опыту, на это дело сто-

ит обратить внимание. Это звучит фантастично, но слишком многие детали указывают на то, что существует некая таинственная организация, которая пытается изменить ход мировой истории.

– У меня тоже возникло такое впечатление, – признался Мэтр. – Я допускаю, что такая организация действительно существует, но прямых доказательств, что она имеет именно такую цель, я не вижу. Мы лишь строим некие вольные предположения о возможном характере действий подобной организации.

Бернье на минуту задумался.

– Это может быть группа интеллектуалов или хитрых и беспринципных авантюристов, использующих интеллектуалов, а может быть просто секта фанатиков с полубезумным лидером. Прямых доказательств в таких случаях не бывает. Подобные структуры редко раскрываются прежде времени. Как правило, мир узнаёт о существовании тайных организаций лишь после того, как они совершают какие-либо действия. Я не очень представляю себе, что именно они готовятся предпринять, но они действуют предельно осторожно. Судите сами, они осуществили вброс информации через человека, о котором мы не знаем ровным счётом ничего и, возможно, никогда и не узнаем. В любой момент он может просто бесследно исчезнуть. Держится он очень спокойно и уверенно. Это не похоже на импульсивное, спонтанное поведение людей, оказавшихся в его положении, напротив, это про-

изводит впечатление очень хорошо продуманных действий.

– Вы с ним разговаривали? – спросил Мэтр.

– И да и нет. – Бернье решил не раскрывать Мэтру все подробности той встречи. – У меня был короткий контакт, в основном визуальный. Он выдержан, умён, обладает харизмой и, возможно, некоторыми экстрасенсуальными способностями. Я подозреваю, что, сознательно или нет, он играет роль пробного шара. Кто-то пытается осторожно прозондировать реакцию разведслужб, политических партий и разного рода общественных сил на появление такого рода организации.

– И как вы оцениваете возможную реакцию со стороны государственных органов? – поинтересовался Мэтр.

– Если организация не представляет сколько-нибудь существенной опасности, её просто игнорируют, если возникают сомнения, как правило, устанавливают наблюдение и собирают информацию. Впрочем, если вас заинтересовал этот человек, я могу устроить вам встречу, на которой вы сможете задать любые интересующие вас вопросы.

– Каким образом? – спросил Мэтр.

– Вы можете присутствовать на заседании комиссии, на котором будет рассматриваться его дело. Я отложил рассмотрение на два месяца. Это открытое заседание. Его адвокат предлагал закрытое слушание, но он настоял на открытом. В таком случае мы имеем право приглашать на слушание широкий круг лиц, представляющих министерство иммигра-

ции Квебека. Для этого вам необходимо подписать только одну бумагу.

– На какую дату намечено заседание?

– На любую, на которую вы пожелаете. – Бернье почувствовал, что Мэтр заинтересовался, и поспешил завершить дело. – Мой помощник занят сбором дополнительных материалов из имеющихся у нас источников. Мы перешлём вам всё, что сумеем отыскать, специальным курьером.

– Я буду вам очень признателен. – Мэтр понял, что в его распоряжении будут все ресурсы министерства, включая закрытые материалы. – Вы совершенно правильно поступили, предоставив мне возможность ознакомиться с этим делом. Я очень ценю ваше мнение, и мне хотелось бы обсудить с вами некоторые реформы, которые мы собираемся произвести в министерстве иммиграции.

Бернье слышал о предстоящих изменениях, и предварительная информация, полученная из первых рук, представляла для него значительный интерес, он понял, что Мэтр не догадывается об истинных мотивах его действий и пытается его отблагодарить. Они провели за столом ещё часа полтора, обсуждая иммиграционную политику нового Квебека и поддержку, которую может получить независимый Квебек со стороны франкоязычных стран мира. Бернье осторожно намекнул о своём желании стать членом апелляционной комиссии, Мэтр улыбнулся (он был накоротке с новым министром) и кивком дал понять, что Бернье может твёрдо рас-

СЧИТЫВАТЬ НА ЭТУ ПОЗИЦИЮ.

Через месяц Мэтр получил второй пакет из министерства иммиграции. Как и говорил Бернье, он был доставлен специальным курьером Мэтру. В нём были документы, содержащие информацию, собранную специальными отделами посольств, и сведения, добытые спецслужбами.

Они не были классифицированы, но тем не менее Мэтру пришлось подписать регламент, определяющий порядок работы со служебными документами министерства иностранных дел. Мэтр вскрыл пакет и просмотрел содержимое. Его внимание привлекла копия стенограммы совещания в главном раввинате Израиля. Главные раввины Израиля обсуждали меры борьбы с возникновением в Израиле религиозно-мистических обществ. На собраниях обществ говорили о наступлении мессианской эпохи, неизбежности краха существующего миропорядка, приходе мессии и начале мировой духовной революции. К ним примкнули неортодоксальные каббалисты, придерживающиеся модернистских взглядов, и, как ни странно, даже некоторые университетские профессора. Несколько раз упоминались имена лидеров нового движения и рассматривалась возможность провозглашения одного из них пророком и последующего объединения вокруг него всех вольнодумцев и крамольников. К такой возможности раввинат отнёсся очень серьёзно. Более того, раввинат

опасался, что дальнейшее развитие событий может привести к появлению лжемессии. Мэтр знал, что в истории Израиля это случалось неоднократно. «Однако, – подумал он, – вряд ли нечто подобное может происходить стихийно, скорее всего, Бернье прав и за этим стоит какая-то тайная организация».

Оставшиеся документы содержали тщательно подобранные сведения об этническом и религиозном составе населения, его культуре и уровне образования, об особенностях социально-экономической ситуации и политической системы страны, а также о состоянии полицейских сил, служб безопасности и Армии обороны Израиля. Мэтр не без интереса ознакомился с документами. Было ясно, что в стране образовалась достаточно широкая прослойка населения, недовольная привилегиями и монопольным положением ультра-религиозных кругов. «На это следует обратить внимание, – подумал Мэтр, – подобные события должны как-то сказаться на жизни еврейской общины и в Квебеке тоже. Учитывая её экономическое влияние и политические связи, она может оказать существенное воздействие на исход референдума. Надо позвонить Бернье и уточнить дату судебного заседания. Вполне возможно, что мы можем получить некоторую поддержку среди франкоговорящей сефардской части общины».

На следующий день Бернье позвонил сам. Они договорились о дате и решили встретиться через неделю в министер-

стве иммиграции, чтобы подготовиться и наметить план проведения слушания. Когда Мэтр вошёл в кабинет Бернье, там уже сидел лысоватый розовощёкий мужчина средних лет.

Бернье встал из-за стола и представил незнакомца:

– Знакомьтесь, Жан-Артур Джонс, офицер Канадской службы разведки и безопасности. Он будет представлять интересы своего ведомства на предстоящем заседании.

Мэтр окинул Жан-Артура взглядом. Джонс обладал совершенно неприметной внешностью, характерной для человека его профессии.

Они поздоровались. Джонс достал толстую папку и раздал Мэтру и Бернье план проведения заседания и список вопросов, на которые следовало обратить внимание. В папке были фотографии. Мэтр задержал внимание на одной из них. Он стоял возле входа в здание, на боковой стене которого было яркое граффити, изображающее семейство Симпсонов из популярного мультипликационного сериала.

– Он снимает апартамент в этом здании, – пояснил Джонс.

Они приступили к обсуждению. Мэтр не без удивления для себя отметил, что Джонс обладает обширными знаниями, дисциплиной мышления и приятными манерами. На вопрос Мэтра, сколькими языками он владеет, Джонс уклончиво ответил, что работал в дипломатическом корпусе. К концу второго часа Бернье заявил, что Мэтр и Джонс прекрасно обойдутся без него.

– Почему вы так считаете? – спросил Джонс.

– Видите ли, у меня состоялся с ним довольно странный контакт. Я думаю, что он обладает экстрасенсуальными способностями, это произошло неожиданно для него самого, он не успел закрыться. Я ощутил его воздействие на себе, и он это заметил. Если он увидит меня вместе с вами, он поймёт, что его почувствовали и соответствующим образом подготовились. Я полагаю, Артур, что вас учили ставить защиту. Будет лучше, если он решит, что его экстраординарным способностям не придали значения или просто ничего не поняли.

Джонс кивнул, Мэтр с удивлением на него посмотрел.

– А каким образом я должен на это реагировать? – спросил он.

– Если получится, вступайте с ним в контакт, – ответил Джонс.

За неделю до заседания Мэтр вновь встретился с Джонсом в небольшом уютном итальянском ресторане недалеко от офиса Мэтра. Джонс был голоден и заказал равиоли с ветчиной и сыром. Мэтр ограничился чашкой кофе. Они проговорили около часа. В конце беседы Мэтр напрямую спросил Джонса, что он думает по поводу предстоящего референдума в Квебеке.

Джонс усмехнулся:

– Я служу тем организациям, которых мало интересует внешняя сторона событий. Мы имеем большую автономию и давно и тесно сотрудничаем, и я не думаю, что для нас это

хоть что-нибудь изменит.

Мэтр понял, что спецслужбы не имеют каких-либо планов повлиять на исход референдума.

Часть вторая

Отправляясь на задание, вы будете при оружии для поднятия авторитета, но пускать его в ход вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Вы меня поняли? Ни при каких обстоятельствах!
Эрнест Хемингуэй. Пятая колонна

1

Они вошли через боковую дверь следом друг за другом, Джонс чуть впереди, Мэтр сзади. Не обращая внимания ни на кого, как будто они вошли в зал кинотеатра за пять минут до начала сеанса, судьи чинно и деловито заняли свои места на возвышении и положили перед собой папки с документами. Джонс проверил магнитофон и поставил кассету. Какое-то время ничего не происходило. Мэтр и Джонс занимались своими делами: раскладывали бумаги на столе, что-то читали, делали пометки. Их безразличные взгляды иногда отрывались от бумаг и вскользь пробежали по пространству комнаты так, как будто бы оно было совершенно пустым. Это не было частью стандартной подготовки к суду или необходимой процедурой – это был чисто психологический приём, рассчитанный на то, чтобы заставить человека, оказавшегося внизу перед судебским возвышением, олицетворяющим

власть и силу государства, ощутить никчемность его бранных проблем и ничтожность его судьбы. Пробудить в нём волнение и неуверенность, а заодно изучить его реакции, интуитивно прощупать, «прокачать» его и наметить психологический план ведения суда. Кроме того, Мэтр очень внимательно отнёсся к предупреждению Бернье, хотя он ни словом не обмолвился об этом Джонсу.

Ничто из этого не возымело ни малейшего воздействия. Перед судьями сидел среднего роста, крепко сложенный человек лет тридцати пяти с несколько грубоватыми чертами лица, в которых трудно было найти что-либо выделяющееся. Лицо его с темными кругами под глазами выдавало бесконечную усталость. Он задумчиво смотрел куда-то в сторону. Очевидно, происходящее мало интересовало его. Он был явно не в форме, и ни аккуратно уложенные волосы, ни неплохо сидящий костюм с удачно подобранным галстуком не могли это скрыть.

Наконец Джонс нарушил тишину:

– Комиссия по делам беженцев министерства иммиграции Канады рассматривает заявление о предоставлении статуса беженца гражданину Израиля... – Джонс назвал его полное имя и фамилию. – Комиссию представляют: мэтр Ноэль де Бержак и месье Жан-Артур Джонс. Адвокат заявителя: мадам Мими Морель, переводчик... – Джонс взглянул на бумаги. – Карел Новак.

– Заявитель, поклянитесь на священном писании, что бу-

дете говорить правду, только правду и ничего, кроме правды.

Это было чисто процессуальной формальностью. Возле настольного микрофона, стоящего между ним и переводчиком, лежали Коран и Библия (буддисты и иудеи на книгах не клялись).

Он медленно поднял глаза на Джонса, как бы несколько недовольный тем, что его побеспокоили. Нет, он не разглядывал Джонса, ему просто было необходимо некоторое время, чтобы выйти из своего отрешённого состояния, после чего он устало заявил:

– Я не могу клясться на этих книгах. У меня есть свои. – Он ни разу не взглянул на Мэтра, но Ноэль вдруг понял, что его уже ощутили, увидели и прочли.

«Однако играть на таком уровне довольно трудно, – отметил про себя Мэтр. – Что-то в нём всё же есть, это вызывающее безразличие должно иметь под собой какое-то основание».

– Ладно, поднимите руку и поклянитесь просто так, – предложил Джонс, чтобы не затягивать процедуру.

– Нет, – упрямо возразил он.

Возникла пауза. Джонс, слегка сбитый с толку таким началом, несколько растерялся, Мэтр хранил молчание, он предоставил Джонсу право вести суд и решать тактические задачи, за собой он оставил стратегию.

– Вы имеете право клясться на книгах, которые вы считаете священными, – наконец объявил Джонс, в его тоне по-

слышалось раздражение.

Он повернулся к Мими:

– У вас есть с собой эта книга, которую я вам дал?

– Нет, я её не взяла, – сказала Мими в микрофон, не поворачиваясь и не смотря на него.

Видимо, он был готов к этому. Наклонившись к довольно-таки объемистой сумке, лежащей у его ног, он вытащил толстую папку в темно-красном переплете, из которой торчали многочисленные закладки, потом ещё одну поменьше, также с закладками.

– Это мои рабочие экземпляры, – объяснил он всем.

Потом, порывшись в сумке, извлек оттуда две книжки, одну в белом, другую в темно-зеленом переплете, и сложил все книги друг на друга. Образовалась стопка высотой сантиметров десять. Затем он положил правую руку на книгу, лежащую сверху, и произнес слова клятвы:

– Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды!

Его движения были несколько суетливы, но, когда он поклялся, к нему вернулось его прежнее безразличие. Это не укрылось от придирчивых взглядов Мэтра и Джонса.

Джонс, который не без досады наблюдал за ходом всей этой процедуры, был-таки впечатлён образовавшейся горкой книг. Его раздражение сменилось любопытством.

– Что это за книги?

Он поднял верхнюю в мягком темно-зеленом переплете.

– Это Тора, а это, – он указал на оставшиеся, – современная философия иудаизма. Вот это Мозес Гесс. – Он поднял и показал судьям книгу в белом переплете. – А это Ахад Хаам и Мартин Бубер.

Мэтр и Джонс невольно улыбнулись, начало было многообещающим, книга в белом переплете называлась «Рим и Иерусалим».

– В каком году вы приехали в Израиль? – задал Джонс первый вопрос.

Это был стандартный вступительный вопрос, его информационная форма с детальными биографическими данными вместе паспортом и свидетельством о рождении (Мими передала их секретариату перед судом) лежали на столе перед Джонсом.

Он назвал дату.

– Вы работали в сервисном отделе крупной электронной компании, вы были довольны своим положением?

– Да, у меня была престижная работа.

– У вас были деловые поездки?

– Да, я побывал во многих странах.

– Когда вы решили присоединиться к реформистскому обществу, вы понимали, что это оппозиционная организация, противопоставляющая себя ортодоксальному иудаизму?

– Конечно, но «оппозиционная» вовсе не значит «запрещённая». Мы не совершали ничего противозаконного.

– То есть литература, которую вы распространяли, не запрещена в Израиле?

– Насколько я знаю, нет, но дело не в этом.

– А в чём же? – спросил Мэтр.

– Эта литература не издавалась на русском языке, были лишь отдельные отпечатанные на пишущей машинке переводы работ Бубера и Ахад Хаама, они распространялись в России нелегально. Мы собрали всё, что сумели найти, отредактировали и подготовили к печати сборник. Предполагалось издать его под названием «Учение пророков и современность». Кроме этого, мы собирались издать серию книг под общим названием «Духовная история человечества».

– Где вы собирались издавать эти книги?

– Мы пытались сделать это в Израиле.

Мэтру не приходилось читать сочинения Ахад Хаама, но работы Мартина Бубера были ему знакомы. Более того, он знал о существовании в двадцатых годах еврейской академии во Франкфурте-на-Майне, пропагандирующей религиозные и политические взгляды Мартина Бубера и его и единомышленников. Академия организовала вечерний университет для взрослых, издавала газеты и журналы и распространяла их по всей Германии. Она прекратила своё существование после прихода Гитлера к власти.

Джонс задал один из своих заранее подготовленных вопросов:

– В анкете вы определяете своё вероисповедание как ре-

формированный иудаизм, но на самом деле вы являетесь сторонником какого-то Бубера. Можете ли вы коротко определить суть его учения?

Он на секунду задумался и ответил:

– Нет в библейской реальности нации и нет религии, есть народ, воспринимающий свои действия как действия Бога.

Мэтр удивлённо на него посмотрел. Такую трактовку мировоззрения Бубера, считавшегося вполне академическим религиозным философом-экзистенциалистом, он услышал впервые. «Впрочем, эти русские способны из любой философии сделать революцию», – подумал он.

Он поймал взгляд Мэтра и добавил:

– В истории Израиля есть нечто, не только дополняющее, но и исправляющее историю человечества, и это невозможно отрицать.

– То есть вы считаете, что история не predetermined Богом, а её творят люди сообразно своему ведению? – спросил Мэтр.

Он оживился:

– Это не совсем так. Мировая история не раскрылась в своей основе, она только лишь приоткрывается как видение, как духовно зримый путь Господа, прочерченный на небесах, а на земле её творят народы, наполняя свои сосуды духа и тем самым осуществляя свою миссию на земле. Если они становятся неспособными выполнять эту священную функцию, они уходят с исторической арены, и на их место прихо-

дят другие.

– Это ваше собственное утверждение или это часть учения Бубера? – спросил Мэтр.

– Это исторический и духовный опыт еврейского народа. Мы единственный народ, сохранившийся со времён великой античности в силу завета, заключённого с Богом. Мы знаем это из мглы внутреннего знания. – Он сделал паузу, пытаясь подобрать слова. – Из света внутреннего знания...

Мэтру невольно вспомнилось изречение Бенедикта Спинозы: «Воспоминание о встрече с Богом хранится в глубине каждой еврейской души».

– Когда ваше реформистское общество начало свою деятельность? – спросил Джонс. Он решил поменять тему и сосредоточиться на деятельности организации.

– Мы начали распространять литературу перед выборами в апреле 1992 года.

– Где вы проводили свои встречи?

– В основном на моей квартире, в парке на горе Кармель и в соседнем кафе, его хозяин сочувствовал нашему движению.

– Сколько людей собиралось на встречах?

– Обычно десять-двенадцать человек, иногда больше. Мы старались не привлекать внимание.

– То есть вы предполагали негативную реакцию на вашу активность? – спросил Джонс, ему было важно понять, как он сам оценивает свою деятельность.

Он повернулся к Мими, как бы спрашивая её совета. Мими решила взять ответ на себя:

– В Израиле нет государственной религии, но религия и не отделена от государства. В стране существуют ультраре-лигиозные политические партии. Правительство Израиля обеспечило ортодоксальному иудаизму режим наибольшего благоприятствования, его институты тесно переплетены с государственными структурами и финансируются из государственного бюджета. Реформы в иудаизме рассматриваются как посягательство на национальное достояние, разрушение национальных традиций, разрыв связей со своими духовными предками. Всё это способствует укреплению позиций ортодоксального иудаизма в целом. За последние годы в Израиль приехало около трёхсот тысяч репатриантов из бывшего Советского Союза. Для них ортодоксальный иудаизм есть не что иное, как пережиток Средневековья. С другой стороны, с целью объединить различные еврейские этнические группы в единый еврейский народ ортодоксальный иудаизм используется для национальной идентификации евреев, что вызывает значительное социальное напряжение. Для Израиля самоопределение еврея, в силу исторического самосознания народа, является государствообразующей идеей. Деятельность реформистского общества была в основном образовательной. Новые эмигранты выросли и воспитывались в коммунистической стране и после краха коммунистической идеологии оказались в духовном вакууме. Иудаизм, основан-

ный на мировоззрении Мартина Бубера, который проповедовали члены реформистского общества, соответствовал духовным запросам и национальным чувствам новых эмигрантов. Мартин Бубер верил в сближение иудаизма и христианства. А среди вновь прибывших было много смешанных пар, и многие из них воспринимали христиано-иудейское учение как нечто цельное. За короткий срок, пока в стране проходила предвыборная кампания, организация сумела распространить сотни экземпляров литературы и привлечь к своей деятельности десятки людей. Это не могло остаться без внимания министерства по делам религий и министерства внутренних дел, которые контролируются представителями ортодоксальных партий.

– Существовала ли подобная организация в Израиле прежде? – спросил Джонс.

– Да, – ответил он. – При жизни Бубера. Но тогда не было людей, которые могли бы это воспринять.

– Когда умер Бубер?

– В тысяча девятьсот шестьдесят пятом.

«Понятно, – подумал Джонс, – остались ученики и последователи, которые решили воспользоваться шансом и использовать в значительной степени ассимилированную и очень далёкую от иудаизма массу вновь прибывших иммигрантов в своих интересах».

– Кто руководил организацией? – спросил Джонс.

– Было активное ядро, восемь человек.

Мэтр задумался. Он понимал, что между пламенными деяниями одиноких носителей духа и возникновением движения, основанного на их идеях, должно пройти время. В истории человечества время от времени появлялись исключительные личности, пытающиеся всей своей жизнью преодолеть ограничения человеческой природы, но далеко не всегда им удавалось обрести последователей и создать учения. Для этого нужны были очень специфические условия, и, возможно, в Израиле они сложились. Но что же это? Чисто человеческие дерзания или проявления высшей воли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.